

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 17 ФЕВРАЛЯ 1938
JEUDI, 17 FEVRIER 1938

НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦИИ **70** СЕНТ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO **70**
EN FRANCE

ЧЕТВЕРГЪ, 17 ФЕВРАЛЯ 1938
JEUDI, 17 FEVRIER 1938

№ 6172

19^e
ANNEE
— 48

ABONNEMENT AUX «DERNIERES NOUVELLES»
(Partant du 1er et 16 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА «ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ»
(от 1-го и 16-го каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи : France	17	48	90	176
За-границей	30	85	165	320
Перемена адреса — 1 фр. —	Changement d'adresse — 1 fr.			

Подписка принимается въ Конторѣ газеты
или въ отдѣленіяхъ, а также посылка почтой,
отдѣленіяхъ
Цѣна 36 въ Парижѣ и провинціи — 70 сент.
За-границей — 1 фр. 25 сент.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION
Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III. (Métro : Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
ou dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements - 70 c.
— étranger — 1 fr. 25 cent.
Адрессъ : aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи **TURBIGO 51-52**
конторы **ARCHIVES 55-00**
отд. объявленій **TURBIGO 51-20, 51-21**
Ночной телефонъ редакціи (ночь 9 час. вечера) :
PROVENCE 75-17
Телеграфный адресъ Adresse télégraphique :
DERNOUVED PARIS 65

№ 6172

19-ый годъ
изданія
48

Чеховъ и Горькій

Какіе это были разные люди! Если даже не касаться вопроса о творческих особенностях Чехова и Горькаго, до чего различны они въ «манерѣ жить», въ настроеніяхъ, въ отношеніи къ міру, въ характерѣ, во всемъ, даже во внѣшности, рѣдко-рѣдко обманывающей!

Толстой когда-то говорил о Чеховѣ, глядя съ террасы, какъ тотъ идетъ по дорожке сада съ Александрой Львовной:

— Ахъ, какой милый человекъ! Скромный, тихій, точно барышня. И-ходитъ, какъ барышня. Просто чудесный...

Горькаго съ «барышней» никто бы, вѣроятно, не сравнилъ. Самъ Чеховъ, желая однажды сдѣлать ему комплиментъ, измѣнилъ на мгновенье своему стилю, сказавъ, что это «большущій писатель». До известной степени, въ словахъ этихъ дано не только внѣшнее опредѣленіе; дана и внутренняя характеристика. «Большущимъ», кстати, называлъ себя и Маяковский, въ русской литературѣ были поэты гораздо больше его, — къ нимъ, однако, слово это не подходитъ.

Недавно въ Москвѣ вышелъ интереснѣйшій сборникъ, исчерпывающій взаимоотношенія Чехова и Горькаго, сборникъ, куда вошла не только ихъ переписка, но и все то, что они когда-либо и гдѣ-либо другъ о другѣ говорили. Новыхъ документовъ въ книгѣ немного. Но впервые собраны выѣсты отрывковъ фразъ, короткія, случайныя замѣчанія, разрозненные мысли, впервые все это сбито и сопоставлено. Для того, кто хотѣлъ бы Чехова и Горькаго понять, — да и не только ихъ, а всю ту литературную эпоху, — такой сборникъ настоящий кладъ. Имена не совѣтъ равноцѣнны, конечно. Но они постоянно ставились рядомъ, ставились рядомъ и по сей часъ, скорѣе всего по воспоминаніямъ о далекихъ годахъ, когда оба соперничали въ славу, оба были всероссійскими читательскими любимцами, когда посетители театра Станиславскаго облизались одинаково обильными, одинаково сладкими слезами, слезная и «Трехъ сестеръ», и «На дѣвѣ...» Успѣхъ Чехова съ тѣхъ поръ расширился, а въ особенности углубился. Орелъ Горькаго чуть-чуть пооблѣкъ, независимо даже отъ отбѣлки его дѣятельности въ послѣднее десятилѣтіе. Объ этомъ не разъ открывали писали и въ Россіи, пока преклоненіе

передъ Горькимъ не превратилось въ общеобязательный параграфъ государственнаго символа вѣры. (Вспомнимъ, хотя бы, «Гамбургскій счетъ» Виктора Шкловскаго). Но, все-таки, Чеховъ и Горькій остались «парой», одной изъ тѣхъ паръ, къ составленію которыхъ склонно наше воображеніе: Бормаль и Расинъ, Вольтеръ и Руссо, Шиллеръ и Гете, Пушкинъ и Лермонтовъ, Толстой и Достоевскій.

Горькій написалъ Чехову первый, въ 1898 году, узнавъ, что тотъ выразилъ желаніе имѣть его, Горькаго, книжки:

«Посылаю я пользуюсь случаемъ, хочу что-то написать вамъ, Антонъ Павловичъ! Собственно говоря, я хотѣлъ бы объяснить вамъ въ искропывшей, горячей любви, кою безотвѣтно питаю къ вамъ со времени молодыхъ ноготъ моихъ, я хотѣлъ бы выразить мой восторгъ передъ удивительнымъ талантомъ вашимъ, тоскливымъ и за душу хватающимъ, трагическимъ и ибжымъ, всегда такимъ красивымъ, тонкимъ! Эхъ, чортъ возьми, — жму вашу руку, руку художника и сердечнаго грустнаго человека, должно быть, — да? Дай Боже жизни вамъ во славу русской литературы, дай Боже вамъ здоровья и терпѣнія, бодрости духа дай вамъ Боже... Еще разъ жму руку вашу. Вашъ талантъ — духъ чистый и ясный, но опутанный узами земли, подлыми узами будничной жизни, и потому онъ тоскуетъ. Пусть его рыдастъ, — зовъ къ небу и въ рыданіяхъ ясно слышны!»

Трудно дѣлать догадки, да и не стоитъ этимъ заниматься, разъ отбѣтъ получить невозможно. Но само собой возникаетъ сомнѣніе: не покорило ли, хотя бы чуть-чуть, Чехова это письмо, въ которомъ восхищеніе какъ-то слишкомъ декламационно, слишкомъ самоодовольно выражено? Отъ Чехова, во всякомъ случаѣ, отбѣтъ пришелъ сдержанный: «Очень радъ нашему знакомству», «очень благодаренъ», «желаю всего хорошаго»...

Горькій написалъ снова, съ тѣмъ, чтобы передать свое впечатлѣніе отъ «Дяди Вани», а заодно и спросить мнѣніе о своихъ разсказахъ. «Не обижайтесь на меня. Я человекъ очень нечѣпный и грубый, а душа у меня неизлѣчимо больна. Какъ, впрочемъ, и слѣдуетъ быть душѣ человека думающаго». Чеховъ исполнилъ его желаніе. «Вы спрашиваете, какого я мнѣнія о ва-

шихъ разсказахъ? Талантъ несомнѣнный, и притомъ настоящий большой талантъ. Вы художникъ, умный человекъ. Вы чувствуете превосходно, вы пластичны, то-есть, когда изображаете вещь, то видите ее и ощущаете руками. Это настоящее искусство... Говорить теперь о недостаткахъ? Но это не такъ легко. Начну съ того, что у васъ, по моему мнѣнію, нѣтъ сдержанности. Вы, какъ зритель въ театрѣ, который мѣшаетъ слушать себѣ и другимъ. Особенно эта несдержанность чувствуется въ описаніяхъ природы, которыми вы прерываете діалоги. Частыя упоминанія о нѣбѣ, шопотѣ, бархатности и прочемъ, придаютъ этимъ описаніямъ риторичность, однообразіе, и расхолаживаютъ, почти утомляютъ. Несдержанность чувствуется въ изображеніяхъ женщинъ и любовныхъ сценъ. Это не размахъ, не широта кисти, а именно несдержанность. Сколько вамъ лѣтъ? Я васъ не знаю, не знаю, откуда и кто вы, но, мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы потеряться около литературы и литературныхъ людей».

Приблизительно въ то же время, — нѣсколькими мѣсяцами позже, — Чеховъ писалъ Л. Авилловой: «Нравится ли вамъ Горькій? По моему, настоящій талантъ, кисти и краски у него настоящія... Горькій мнѣ нравится, но послѣднее время онъ сталъ писать чепуху, чепуху возмутительную, такъ, что я скоро брошу его читать».

Встрѣтились оба писателя въ Ялтѣ. Горькій былъ этой встрѣчѣ «радъ, страшно радъ». «Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющійся человекъ, котораго я видѣлъ. Какъ это хорошо, что вы умѣете считать литературу первымъ и главнымъ дѣломъ жизни!» Чеховъ сообщалъ той же Авилловой: «Въ Ялтѣ Горькій. По внѣшности, это — босякъ, но внутри довольно изящный человекъ, и я очень радъ. Хочу знакомить его съ женщинами, находилъ это полезнымъ для него, но онъ топорщится».

Несомнѣнно, оба писателя понравились другъ другу. Надо вообще отмѣтить, — и отмѣтитъ съ удовлетвореніемъ, какъ своего рода урокъ, — что никакими «задними мыслями» ихъ литературное пріятельство никогда омрачено не было, что оба неизмѣнно отзывались другъ о другѣ хорошо, безъ зависти, безъ сплетенъ и лукавствъ. Чеховъ былъ на восемь лѣтъ старше. У него было гораздо острѣе чувство юмора, и, конечно, онъ былъ умнѣ Горькаго. Ему случалось насмѣиваться надъ нимъ. «Алексѣй Максимовичъ не измѣнялся, все такой же порядочный, и интеллигентный, и добрый.

Одно только въ немъ, или, вѣрнѣе, на немъ нескладно: это — его рубашка. Не могу къ ней привыкнуть, какъ къ камергерскому мундиру». (Письмо къ О. Л. Книпперъ). Онъ ясно видѣлъ и пороки Горькаго, какъ художника. «Трое» Горькаго мнѣ чрезвычайно понравились по тону письма. Дѣвки не ибры, такихъ нѣтъ, и разговоры такихъ никогда не бываетъ, но все же пріятно читать. Напрасно только Горькій съ такимъ серьезнымъ лицомъ творитъ (не пишетъ, а именно творитъ); надо бы полегче, немножко бы свысока».

Но то же самое Чеховъ говорилъ Горькому и въ глаза: въ двуличности упрекнуть его невозможно.

Оба высоко цтили Толстого, и обращались къ нему, какъ къ верховному судѣ. Однако, и тутъ сразу обнаруживается различіе натуръ. Если Толстой называлъ Чехова «барышней», то оттого, по видимому, что тотъ въ его присутствіи робѣлъ.

Разсказъ Горькаго: «Толстой говорилъ: я старикъ и, можетъ, теперешнюю литературу уже не могу понять! Но мнѣ кажется, что она не русская. Стали писать какіе-то особенные стихи, я не знаю, почему это стихи, и для кого. Вотъ вы, — онъ обратился къ Чехову, — вы русскій. Да, очень, очень русскій!.. — И, ласково улыбаясь, онъ обнялъ Антона Павловича за плечо. Тотъ сконфузился, началъ баскомъ говорить что-то о своей дачѣ, о татарахъ».

Чеховъ отмѣчалъ, какъ событіе, каждую свою встрѣчу съ Толстымъ, каждый минутный разговоръ съ нимъ «въ телефонѣ» (не «по телефону», какъ сказали бы мы теперь), стараясь запомнить каждое его замѣчаніе, и однажды воскликнулъ:

— Вотъ, за Гете каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются въ воздухѣ! Это нестерпимо по-русски. Послѣ схватится за умъ, начнутъ писать воспоминанія, и — накрутъ!

Впервые поговорилъ съ Толстымъ о Горькомъ, Чеховъ сообщалъ: «Онъ очень хвалилъ васъ. Сказалъ, что вы замѣчательный писатель. Ему нравится ваша «Ирма» и «Въ степи», и не нравится «Мальва». Онъ сказалъ: «Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горькаго попадаются именно психологически выдумки, онъ описываетъ то, чего не чувствовалъ». Вотъ вамъ! Я сказалъ, что, когда вы будете въ Москвѣ, то мы вмѣстѣ прѣйдемъ къ Л. Н.». Горькій былъ, разумеется, очень польщенъ: «Хорошо вы сдѣ-

лали, что поговорили съ нимъ о Горькомъ, — и сказали это Горькому. Давно хотѣлъ я знать, какъ смотритъ на меня Толстой, и боялся знать это; теперь узналъ, и проглотилъ еще каплю меда. Въ бочку дегтя, вылитого мною, такихъ капелекъ попалъ только двѣ: его да наша. Больше и не надо мнѣ». Но чеховской скромности, чеховской готовности «распластаться» передъ Толстымъ, сознанія своего ничтожества передъ нимъ, не было у него и въ поминѣ. «Въ сущности — ужасно глупо называть человека гениемъ. Совершенно непонятно, что такое гений! Гораздо проще и яснѣе говорить: Левъ Толстой; это и кратко, и совершенно оригинально! Видѣть Льва Николаевича очень важно и полезно, хотя я отнюдь не считаю его чудомъ природы. Смотрите на него, и ужасно пріятно чувствовать себя тоже человекомъ... Горькій признавался Чехову, что Толстой при первой встрѣчѣ напоминалъ ему Чудака-Суворова. «А когда онъ началъ говорить, я слушалъ и изумлялся! Все, что онъ говорилъ, было удивительно просто, глубоко, и, хотя иногда совершенно не вѣрно, по моему, но ужасно хорошо. Главное же — просто очень! Въ концѣ онъ все-таки цѣлый оркестръ, но въ немъ не всѣ трубы играютъ согласно».

Не разъ Горькій удивлялся Чехова своимъ «небѣностями». Въ 1899 году, въ первый его прѣздъ въ Петербургъ, произошелъ эпизодъ, о которомъ впоследствии разсказывалъ В. А. Поссе: «Чтобы ввести Горькаго въ петербургскій литературный міръ, задумалъ и устроить банкетъ въ редакціи «Жизни». Банкетъ прошелъ оживленно, но не безъ неловкости. Въ отвѣтъ на привѣтственный рѣчи, въ которыхъ отмѣчался крупный талантъ Горькаго, онъ заявилъ, что успѣхъ его объясняется тѣмъ, что на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Фома дворянинъ. А передъ нимъ сидѣлъ весь цвѣтъ русской литературы съ Владимиромъ Галактионовичемъ Короленко во главѣ!».

Чеховъ пожималъ плечами. Но для него Горькій былъ человекомъ «добрѣйшимъ, мягкимъ, деликатнѣйшимъ», и онъ ему почти все готовъ былъ простить, хотя неизмѣнно дѣлалъ оговорки въ своихъ сужденіяхъ о немъ, какъ о художникѣ. (За три мѣсяца до смерти: «Читалъ горьковскаго «Человѣка», очень напоминающаго мнѣ проповѣдь молодого попа, безбородого, говорящаго басомъ на «о»...).

Чтеніе сборника многихъ, вѣроятно, еще разъ наведетъ на мысли о личности Максима Горькаго, на эту своеобразную и жгу-

чую «проблему», въ попыткахъ рѣшить которую сталкиваются мнѣнія рѣко противоположныя. Чеховъ, въ сущности, — внѣ споровъ, чего о Горькомъ сказать никакъ нельзя. Горькаго въ послѣдніе годы часто судили, и часто осуждали, не только за дѣла, но и за намѣренія. Свидѣтельство Чехова, какимъ бы давнимъ оно ни было, имѣетъ все-таки очень большую цѣнность: ужъ кто-кто, а онъ, при всемъ своемъ благодушіи, въ людяхъ разбирался! Ни одного дурного слова онъ о Горькомъ не сказалъ, ни одной дурной черты въ немъ не нашелъ. Да и независимо отъ чеховскихъ отзывовъ, общее впечатлѣніе отъ горьковскихъ писемъ и всѣхъ тѣхъ мелкихъ замѣчаній, которыми наполнена книга, таково, что принадлежать они человеку, нежель быть, и не складному, любящему по-красоваться, знающему себѣ цѣну, «неизлѣчимо больному», какъ онъ самъ себя опредѣлялъ, человеку, лишенному того природнаго чутья къ фальши, которое отличало Чехова или Толстого, но духовно серьезному и независимому. Къ кому самъ Толстой написалъ: «Мнѣ ваше писаніе понравилось, а васъ я нашелъ лучше нашего писанія», и едва ли написать необдуманно.

Мнѣ хочется, въ заключеніе, отмѣтить отношеніе Горькаго къ Бунину. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни онъ неизмѣнно видѣлъ его изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей, прибавляя, правда, въ наизиданіи своимъ ученикамъ, что «боятся идеологической заразы, значить, — не вѣрять въ силу классового самосознанія».

«Очень рекомендую вниманію вашему Чехова и Бунина. Оба съ изумительной силой чувствовали значеніе обиднаго и прекрасно изображали его» (1913 годъ). «Говорите кратко, просто, какъ Чеховъ или Бунинъ» (1913). «Читайте больше, читайте такихъ мастеровъ словеснаго искусства, каковы Пушкинъ, Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Бунинъ» (1927 годъ). «Въ крупныхъ художникахъ реализмъ и романтизмъ всегда соединены. Тургеневъ писалъ вещи въ романтическомъ духѣ, такъ же, какъ и всѣ другіе крупнѣйшіе наши писатели, отъ Гоголя, до Чехова и Бунина» (1928). «Читайте Бунина!» (1932).

Что же, хороший вкусъ! — скажутъ нѣкоторые. Нѣтъ, не только хорошій вкусъ. Въ тѣхъ обеспокоенностяхъ, при которыхъ все это написано, — признакъ безпристрастия и даже благородства.